

"Хождение за три моря" Афанасия Никитина.

(Древнерусский текст с небольшими сокращениями)

В лето 6983 (...) Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что былъ в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василием Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми - за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лете пошел или в кое лете пришел из Ындея, умер, а. сказывают, что, деи, Смоленска не дошед, умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки те тетрати привезли гости к Мамыреву Василию, к дияку к великого князя на Москву.

За молитву святых отец наших. Господи Исусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, раба своего грешного Афонасья Микитина сына.

Се написах свое грешное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа; 2-е море Индейское, дорея Гундустанскаа; 3-е море Черное, дориа Стебольшкая.

Поидох от Спаса святого златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича.

И поидох вниз Волгою. И приидох в монастырь Колязин ко святей Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глебу. И у игумена благословив у Макария и у святых братьи. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приехал есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приехал есми доброволно.

И приехал есми в Новгород в Нижней к Михаиле х Киселеву, к наместьнику, и к пошлиннику к Ывану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно.

А Василей Папин проехал мимо город две недели, и яз ждал в Новеграде в Нижнем две недели посла татарскаго ширваншина Асанбега, а ехал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приехал есмя с ними на низ Волгою. И Казань есмя проехали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проехали, и Услан, и Сарай, и Берекезаны есмя проехали. И въехали есмя в Бузан. Ту наехали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вести: "Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар". И посол ширваншин Асанбег дал им по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да весть дали в Хазтарахан царю. И яз свое судно покинул да полез есмя на судно на послово и с товарищи своими.

Поехали есмя мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: "Качма, не бегайте!". А мы того не слышали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богуне и учили нас стреляти. И у нас застрелили человека, а у них дву татаринов застрелили. И судно наше меньшее стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мелкая рухлядь вся в меньшем судне.

А в болшом судне есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велели тянути вверх до езу. И тут судно наше болшее пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вести дея.

И пошли есмя в Дербенть, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбег, да тезикы, да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да корм наш. А вьстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег. А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берег, и пришли кайтакты да людей поймали всех.

И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени, И бил есмя челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмя с ним пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поймали под Тархи

кайтаки. И Асанбег печаловался и ездил на гору къ Булатубегу. И Булатбег послал скорохода ко ширваншибегу, что: "Господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поймали, а товар их розграбили".

И ширваншабег того же часа послал посла к шуринау своему Алильбегу, кайтачевскому князю, что: "Судно ся мое розбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поймали, а товар их пограбили; и ты чтобы, меня дея, люди ко мне прислал и товар их собрал, занеже те люди посланы на мое имя. А что будет тебе надобе у меня, и ты ко мне пришли, и яз тебе, своему брату, не бороню. А те люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мне доброволно, меня дея". И Алильбег того часа люди отслал всех в Дербент доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ърду его - коитул.

А мы поехали к ширъванше во и коитул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал, чем дойти до Руси. И он нам не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакав, да розошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кои должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные остались в Шамахее, а иные пошли роботать к Баке.

А яз пошел к Дербенти, а из Дербенти к Баке, где огонь горить неугасимы; а из Баки пошел есми за море к Чебокару.

Да тут есми жил в Чебокаре 6 месяц, да в Саре жил месяц, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тут жил есми месяц. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучат Махметевых, и он их проклял, ино 70 городов ся розвалило.

А из Дрея к Кашени, и тут есми был месяц, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездеи, и тут жил есми месяц. А из Диес къ Сырчану, а из Сырчана к Тарому, а фуники кормять животину, батман по 4 алтыны. А из Торома к Лару, а из Лара к Бендерю, и тут есть пристанище Гурмызское. И тут есть море Индейское, а парьсейским языком и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити морем до Гурмыза 4 мили.

А Гурмыз есть на острове, а ежедень поимаеть его море по двожды на день.

И тут есми взял первый Велик день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недели до Велика дни. А то есми города не все писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человека сожжет. А в Гурмызе был есми месяц, а из Гурмыза пошел есми за море Индейское по Велице дни в Радуницу, в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дегу 4 дни; а от Дега Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лек. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя пошли в 7-ую неделю по Велице дни, а шли в таве есмя 6 недель морем до Чивилия.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все нагы, а все черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку. А князь их - фота на голове, а другая на гузне; а бояре у них фота на плеще, а другаа на гузне, княини ходят фота на плеще обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярские - фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а все наги, да босы, да болкаты, а волосов не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лет, сором не покрыт.

А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, до индейския горы. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индейский. А от Умри до Чюнеря 7 дни.

Ту есть Асатхан Чюнерския индийский, а холоп меликътучаров. А держит, сказывают, сем тем от меликъточара. А меликътучар седит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лет есть, то его побивают, то он побивает их многожды. Хан же Ас ездит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев. А привозят их из Хоросанские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменские земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах - индейские карабли.

И яз грешный привезл жеребца в Индейскую землю, и дошел есми до Чюнеря Бог дел поздорову все, а стал ми во сто рублей. Зима же у них стала с

Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнере, жили есмя два месяца. Ежедень и ночь 4 месяцы всюда вода да грязь. В те же дни у них орют да сеют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все съестное. Вино же у них чинят в великих орехех кози гундустанская; а брагу чинят в татну. Кони же кормят нофутом, да варят кичирис с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают им шешни. В Ындейской же земли кони у них не родят, въ их земле родятся волы да буйволы, на тех же ездят и товар, иное возят, все делают.

Чюнерей же град есть на острову на каменом, не сделан ничем, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человеку: дорога тесна, а двема пойти нелзе.

В Ындейской земли гости ся ставят по подворьем, а ести варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь ек житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят белых людей.

Зиме же у них ходит люди фота на гузне, а другая по плечем, а третья на голове; а князи и бояре толды на себя въздевают порткы, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьего голову увертит. А се Оло, Оло абрь, Оло ак, Олло керем, Олло рагим!

А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин - русин. И он молвит: "Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в веру нашу - в Махметдени; а не станеш в веру нашу, в Махматдени, и жеребца возму и тысячу златых на голове твоей возму". А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говейно на Спасов день. И Господь Бог смиловался на свой честный праздник, не оставил милости своеа от меня грешнаго и не велел погибнути в Чюнере с нечестивыми. И канун Спасова дни приехал хозяйочи Махмет хоросанец, и бил есми ему челом, чтобы ся о мне печаловал. И он ездил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в веру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково Осподарево чюдо на Спасов день. Ино, братие рустии християня, кто хочет пойти в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нет ничего на нашу землю: все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины не дают. А люди иные нам провести пошлины не дадут. А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменным болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.

А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду. А шли есмя месяц до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря 5 дни; а от Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тех великих градов много городов; на всяк день по три городы, а иной по четыре городы; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ково, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов, а от Бедеря до Колубергу 9 ковов.

В Бедере же торг на кони, на товар, да на камки, да на шелк, на всей иной товар, да купити в нем люди черные; а иные в нем купли нет. Да все товар их гундустанской, да съестное все оwoцъ, а на Рускую землю товару нет. А все черные люди, а все злодеи, а жонки все бляди, да веди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелием.

В Бндейской земли княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы. А гундустанцы все пешеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные все пеши, ходят борзо, а все наги да боси, да щит в руце, а в другой меч, а иные с луки великими с.прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пеших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспесех, и кони и сами. А к слоню вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат их в доспехи булатные, да на них учинены городкы, да в городкех по 12 человек в доспесех, да все с пушками да с стрелами.

Есть у них одно место, шихб Алудин пир ятыр базар Алядинанд. На год един базар, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысяч коней продавати, всякий товар свозят. В Гундустанской земли тый торг лучший, всякий товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русский на Покров святыя Богородица. Есть в том

Алянде птица гукукъ, летает ночи, а кличет: "кук-кукъ", а на которой хоромине седит, то тут человек умрет; и кто хочет ея убити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны ходят ноци, да имают куры, а живут в горе или в каменье. А обезьяны, то те живут по лесу. А у них есть князь обезьяньскый, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, и он посылает на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой. А детей родят много; да которой родится ни в отца, ни в мать, ини тех мечют по дорогам. Ины гиндустанцы тех имают, да учат их всякому рукоделию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.

Весна же у них стала с Покрова святыа Богородица. А празднуют шигу Аладину, весне две недели по Покрове, а празднуют 8 дни. А весну дръжат 3 месяцы, а лето 3 месяца, а зиму 3 месяцы, осень 3 месяца.

В Бедери же их стол Гундустану бесерменскому. А град есть велик, а людей много велми. А салтан невелик - 20 лет, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанецъ меликтучар боярин, ино у него двесте тысящъ рати своей, а у Меликхана 100 тысящъ, а у Фаратхана 20 тысящъ, а много тех ханов по 10 тысящъ рати. А с салтаном выходят триста тысящъ рати своей.

А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми. А все их носят на кровати своей на сребряных, да пред ними водят кони в снастех золотых до 20; а на конех за ними 300 человек, а пеших пятьсот человек, да трубников 10 человек, да нагарников 10 человек, да свирелников 10 человек.

Салтан же выезжает на потеху с матерью да з женою, ино с ним человек на конех 10 тысящъ, а пеших пятьдесят тысящъ, а слонов выводят двесте, наряженных в доспесех золоченых, да пред ним трубников сто человек, да плясцов сто человек, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гауроки.

В салтанове же дворе семеры ворота, а в воротех седит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто пойдет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают. А гарипов не пускают въ град. А двор же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да златом описан велми чудно. Да во дворе у него суды розные.

Город же Бедерь стерегут в ноци тысяща человек кутоваловых, а ездят на конех в доспесех, да у всех по светычу.

А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам, а длина ее две сажени. Приидох же в Бедерь о заговейне о Филипове ис Кулонгеря, и продах жеребца своего о Рожестве.

И тут бых до Великого заговейна в Бедери и познася со многыми индеяны. И сказах им веру свою, что есми не бесерменин исаядениени есмь христианин, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуф Хоросани. И они же не учили ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жон своих не учили крыти.

Да о вере же о их распытах все, и оны сказывают: веруем въ Адама, а буты, кажутъ, то есть Адам и род его весь. А вер въ Индеи всех 80 и 4 веры, а все веруютъ в бута. А вера с верою ни пиеть, ни яст, ни женится. А инья же боранину, да куры, да рыбу, да яйца ядятъ, а воловины не ядятъ никакаа вера.

В Бедери же бых 4 месяца и свещахся съ индеяны пойти к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьский Мягкат, где их бутхана. Там же поидох съ индеяны да будутханы месяц. И торгу у бутъханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твери, камена, да резаны по ней деяния бутовья. Около ея всея 12 резано венцев, как бут чудеса творил, как ся им являл многыми образы: первое, человеческим образом являлся; другое, человек, а нос слонов; третье, человек, а виденье обезьянино; в четвертые, человек, а образом лютаго зверя, а являлся им все съ хвостом. А вырезан на камени, а хвост через него сажени.

К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чудо бутово. Да у

бутхана бреются старые и молодые, жонки и девочки. А бреют на себе все волосы, - и бороды, и головы, и хвосты. Да пойдут к бутхану. Да со всякие головы емлют по две шешькени пошлины на бута, а с коней по четыре футы. А съезжаются к бутхану всех людей бысты азар лек вах башет сат азаре лек.

В бутхане же бут вырезан ис камени ис черного, велми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко да простер ее, аки Устенеян царь Цареградский, а в левой руке у него копие. А на нем нет ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино. А иные буты наги, нет ничего, кот ачюк, а жонки бутовы нагы вырезаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит вол велми велик, а вырезан ис камени ис черного, а весь позолочен. А целуют его в копыто, а сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индеяне же не едят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиной же у них велми много. Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пият, ни сыты. А з бесермены ни пият, ни ядят. А ества же их плоха. А один с одним ни пьет, ни есть, ни з женою. А едят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а едят все рукою правою, а левою не приимется ни за что. А ножа не дръжат, а лжицы не знают. А на дорозе кто же варит себе кашу, а у всякого по горнцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнецъ, ни въ еству. А толко посмотрит, ино тое ествы не едят. А едят, покрываются платом, чтобы никто не видел его.

А намаз же их на восток, по-русьский. Обе руки подымают высоко, да кладут на темя, да ложатся ниць на земле, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ести же садятся, и оны омывають руки да ноги, да и рот пополаскивають. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тех жгут да и попел сыплют на воду. А у жены дитя ся родит, ино бабит муж, а имя сыну дает отецъ, а мати дочери. А добровта у них нет, а сорома не знают. Пошел или пришел, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ездят о великом заговение, къ своему буту. Их туто Иерусалим, а бесерменскыи Мякька, а по-русьскы Иерусалим, а по-индейскыи

Порват. А съезжаются все наги, только на гузне плат; а жонки все наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да перстьни златы. Олло оакъ! А внутрь к бутхану ездят на волех, да у вола рога окованы медию, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы медию. А те волы аччеи зовут.

Индеење же вола зовут отцем, а корову материю. А калом их пекут хлебы и еству варят себе, а попелом тем мажутса по лицу, и по челу, и по всему телу знамя. В неделю же да в понеделник едят однова днем. В Ындее же какъпа чектуръ а учюсьдеръ: секишь илирсень ики жител; акичаны ила атарсын алты жетел беръ; булара достур. А куль коравашъ учюзь чяр фуна хуб, бем фуна хубе сия; капъкара амъчюкъ кичи хошь.

От Первати же приехал есми в Бедеръ, за пятнадцать ден до бесерменьскаго улубагря. А Великаго дни и въскресения Христова не ведаю, а по приметам гадаю Велик день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нет ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, инии их взяли, а яз забыл веры кристьяньские всее. Праздники крестьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова не ведаю, ни среды, ни пятница не знаю; а промежу есми вер таньгрыдан истремень Ол сакласын: "Олло худо, Олло акъ, Олло ты, Олло акъбер, Олло рагым, Олло керим, Олло рагым ельло, Олло карим елло, таньгресень, худосеньсень. Бог един, тый царь славы, творецъ небу и земли".

А иду я на Русь, кетъмыштьыр именъ, уручь тутътым. Месяць март прошел, и яз заговел з бесермены в неделю, да говел есми месяць, мяса есми не ел и ничего скоромнаго, никакие ествы бесерменские, а ел есми по двожды на день хлеб да воду, авратыйля ятмадым. Да молилса есми Христу вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иногo есми не призывал некоторого именемъ, Бог Олло, Бог керим. Бог рагим, Бог худо. Бог акъберъ, Бог царь славы, Олло варенно, Олло рагим ельно сеньсень Олло ты.<...>

Месяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустане, а бесермена баграм взяли в середу месяца; а заговел есми месяца

апреля 1 день. О благовернии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают, и веры ся да лишают кристьяньские. Аз же рабище Божий Афонасий, сжалихся по вере кристьянской. Уже проидоша 4 великая говейна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грешный не ведаю, что есть Велик день или говейно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не ведаю - а книг у меня нету. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Аз же от многия беды поидох до Индея, занеже ми на Русь пойти не с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каине, а другой Велик день въ Чебокару в Маздраньской земле, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындее з бесермены в Бедере; ту же много плаках по вере кристьяньской.

Бесерменин же Мелик, тот мя много понуди в веру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: "Господине! Ты намаз каларьсень, мен да намаз киларьмен; ты бешь намаз кыларьсиз, мен да 3 калармен; мень гарип, а сень инчай". Он же ми рече: "Истинну ты не бесерменин кажешися, а кристьяньства не знаешь". Аз же во многыя помышления впадох, и рекох в себе: "Горе мне, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо пойду. Господи Боже вседръжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя. Господи, на путь правый, яко никоея же добродетели в нужи тьй не сътворих тебе. Господи Боже мой, яко дни своя преплых во зле все. Господи мой, Олло переводигерь, Олло ты, карим Олло, рагим Олло, карим Олло, рагим елло; ахамдулимо. Уже проидоша Великыя дни четыре в бесерменской земле, а кристьянства не оставих. Дале Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой".

В Ындее же бесерменской, в Великом Бедере, смотрил есми на Великую ночь на Великий день Волосыны да Кола в зрю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На багрям на бесерменской выехал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великих, да триста слонов наряженных в доспесех булатных да з городки, да и

городкы окованы. Да в городкех по 6 человек в доспесех, да и с пушками да и с пищальми, а на великом слоне по 12 человек. Да на всяком по два проборца великих, да к зубом повязаны великие мечи по кентарю, да к рылу привязаны великия железныя гири. Да человек седит в доспесе промежу ушей, да крюк у него железной великой, да тем его правят. Да коней простых тысяща в снастех златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковров 300. Да на салтане кавтан весь сажень яхонты, да на шапке чичьяк олмаз великий, да саадак золот съ яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафар пешь да играет теремцом, да за ним пеших много. Да за ним благой слон идет, а весь в камке наряжен, да обивает люди, да чепь у него железна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.

А брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человек.

А махтум седит на кровати же на золотой да над ним терем шидьян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в снастех златых. Да около его людей многое множество, да пред ним певцы, да плясцов много; да все з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони все в доспесех, да саадаки на них. А иные наги все, одно платище на гузне, сором завешен.

В Бедере же месяць стоит три дни полон. В Бедере же сладкаго овощу нет. В Гундустани же силнаго вару нет. Силен вар в Гурмызе да в Кятобагряим, где ся жемчюг родит, да в Жиде, да в Баке, да в Мисюре, да в Орьюбьстани, да в Ларе. А в Хоросанской земле варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашини варно, да ветр бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахе пар лих; да в Вавилоне варно, да в Хумите, да в Шаме варно, а в Ляпе не так варно.

А в Севастии губе да в Гурзыньской земле добро обидно всем. Да Турская земля обидна велми. Да в Волоской земле обидно и дешево все съестное. Да и Подольская земля обидна всем. А Русь ер тангрыд сакласын; Олло сакла, Худо

сакла! Бу даниада муну кибить ерь ектур; нечикь Урус ери бегляри акой тугиль; Урусь ерь абодан болсын; раст кам дарет. Олло, Худо, Бог, Данъиры.

Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, Господи! Пути не знаю, иже камо пойду из Гундустана: на Гурмыз пойти, а из Гурмыза на Хоросан пути нету, ни на Чеготай пути нету, ни в Бодату пути нет, ни на Катабогряим пути нету, ни на Ездь пути нет, ни на Рабостан пути нет. То везде булгак стал; князей везде выбил. Яишу мырзу убил Узоасанбег, а султан Мусяитя окормыли, а Узуосанбек на Щирязе сел, и земля ся не скрепила, а Едигерь Махмет, а тот к нему не едет, блюдется. А иного пути нет никуды. А на Мякку итти, ино стати в веру бесерменскую. Занеже кристьяне не ходят на Мякку веры дея, что ставят в веру. А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человек, ино по полутретья алтына на харчу идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.<...>

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за месяц до улубагряма бесерменьскаго Мамет дени розсулял. А Велика дни кристьянскаго не ведаю Христова възскресения, а говейно же их говех з бесермены, и разговехся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да меликътучар с ратию своею 15 день по улубагряме, а в Келбергу. А война ся им не удала, один город взяли индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли.

А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много. А сидит в горе в Бичинегере, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозе его река течет. А с одну страну его женьгель злый, а з другую страну пришол дол, и чюдна места велми и угодна на все. На одну же страну приитти некуды, сквозе градо дорога, а града же взяти некуды, пришла гора велика да дебер зла тикень. Под городом же стаяла рать месяц, и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да з безводицы. А на воду смотрит, а взяти некуды.

А град же взял индийской меликъчан хозя, а взял его силою, день и ноць бился з городом 20 дни, рать ни пила, ни ела, под городом стояла с пушками. А

рати его изгибло пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высекли 20 тысяч поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго.

А продавали голову полону по 10 тенек, а иную по 5 тенек, а робята по две тенки. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял.

А от Кельбергу поидох до Кулури. А в Кулури же родится ахикь, и ту его делают, на весь свет оттуду его розвозят. А в Курили же алмазников триста сулях микунет. И ту же бых пять месяць, а оттуду же поидох Калики. Ту же бозар велми велик. А оттуду поидох Конаберга, а от Канаберга поидох к шиху Аладину. А от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури, а от Сури поидох к Дабыли - пристанище Индийскаго моря.

Дабил же есть град велми велик, а к тому же Дабыли а съезжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вере по кристьяньской, и по крещении Христове, и по говейнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь. И внидох же в таву, и зговорих о налоне корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града дата. Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три месяцы бесерменьскаго говейна.

Идох же в таве по морю месяць, а не видех ничего. На другой же месяць увидех горы Ефиопския, ту же людие вси воскричаша: "Олло переводигер, Олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти", а по-русскии языком молвят: "Боже Осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, zde нам судил еси погибнути!"

В той же земле Ефиопской бых пять дни. Божиною благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлебы ефиопом, ина судна не пограбили.

А оттудова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых 20 дни. А из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7

дни. И из Ширяза поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изъ Езди поидох къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Паганипоидох Кашини, а в Кашини бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Куму, а ис Кума поидох в Саву. А из Сава поидох к Султаню, а из Султания поидох до Тервизя, а ис Тервиза поидох в оръду Асанбег. А орде же бых 10 дни, ано пути нет никуды. А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севастъ взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского воюючи.

И яз из орды пошел ко Арцыцану, а из Орцыцана пошел еси в Трепизон.

В Трепизон же приидох на Покров святыя Богородица и приснодевы Мариа, а бых же въ Трапизоне 5 дни. И на корабль приидох и сговорил о налоне - дати золотой от своеа главы до Кафы; а золотой еси взял на харчь, а дати в Кафе.

А в Трапизоне ми же шубаш да паша много зла учиниша. Хлам мой весь к себе възнесли в город на гору да обыскали все - что мелочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что еси пришол из орды Асанбега.

Божиею милостию приидох до третьяго моря Черного, а парсийским языком дория Стимбольскаа. Идох же по морю ветром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас сретили великий ветер полунощный, възврати нас къ Трапизону, и стояли еси в Платане 15 дней, ветру велику и злу. бывшу. Ис Платаны еси пошли на море двожды, и ветер нас встречает злый, не даст нам по морю ходити. Олло акъ, Олло Худо переводигерь! Развие бо того иного Бога не знаю.

И море же пройдох, да занесе нас със къ Баликаее, а оттудова к Токорзову, и ту стояли еси 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговениа. Олло переводигерь!

Милостию Божиею преидох же три моря. Дигерь Худо доно, Олло переводигерь дано. Аминь! Смилна рахамм рагим. Олло акъбирь, акши Худо, илелло акшь Ходо. Иса рухоало, ааликъсолом. Олло акъберь. А илягаиля илелло. Олло переводигерь. Ахамду лилло, шукур Худо афатад. Бисмилнаги рахамм ррагим. Хуво могу лези, ля лясайля гуя алимуль гяйби ва шагадити. Хуя

рахману рагиму, хубо могу лязи. Ляиляга иль ляхуя. Альмелику, алакудосу, асалому, альмумину, альмугамину, альазизу, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбарину, альмусавирю, алькафару, алькальхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, алльрравию, алмавизу, алмузилу, альсемилу, албасирю, альакаму, альадюлю, алятуфу.

"ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ" АФАНАСИЯ НИКИТИНА

(Перевод Л.С.Смирнова)

В год 6983 (1475)... В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года(1), а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным(2). Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне - за год до Казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил(3). В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя(4).

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море Дербентское(5), дарья Хвалисская(6), второе море - Индийское, дарья Гундустанская, третье море - Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса(7) святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича(8) Тверского, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича(9).

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице

живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал благополучно.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха(10) татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана(11), и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан(12). И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: "Султан Касим подстерегает купцов на Бузани, а с ним три тысячи татар". Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: "Качма - не бегите!" А мы этого ничего не слышали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза(13) застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики(14), да нас, русских, десять человек; а в другом судне шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. А тут стоит городок Тарки(15), и вышли люди на берег, да пришли кайтаки(16) и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий-благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли - чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: "Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили".

И ширваншах посла тотчас послал к шурина своему, князю кайтаков Халил-беку: "Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий". И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху, в ставку его - койтул.

Поехали мы к ширваншаху, в ставку его, и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый(17), а из Баку пошел за море - в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре(18) шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле(19). А оттуда пошел к Амолю(20) и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду(21), а из Демавенда - к Реню(22). Тут убили шаха

Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда(23), и пало на убийц проклятие Мухаммеда семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Кашана - к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана к Тарому(24), домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман(25) фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара - к Бендеру - то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз - на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы(26) пошел я в таве(27) с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската(28) десять дней, а от Маската до Дега(29) четыре дня, а от Дега до Гуджарата(30), а от Гуджарата до Камбея(31), Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу(32), а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.

И тут Индийская страна, и простые люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. Из простого народа мужчины и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много дивятся белому человеку. У тамошнего князя - фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних - фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят - фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А простые женщины ходят - голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от

Пали шли десять дней до Умри то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара(33).

Правит тут индийский хан - Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару(34). Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят; семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафирами(35) двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асадхан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев(36), у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах - индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня(37). Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь - целых четыре месяца - всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские(38) называются, а брагу - из татны(39). Коней тут кормят горохом, да варят кхичри(40) с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни(41). В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы - на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на постоянных дворах. Варят гостям служанки, и постель стелют служанки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром); а любят белых людей.

Зимой у них простые люди ходят - фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан,

да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О Боже, Боже великий. Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: "И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу - в Мухаммедини(42). А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммедини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму". И срок назначил - четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост(43). Да Господь Бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково Господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю - оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы-бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафиры, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири - пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов(44) - столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку(45), шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного

только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними - хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю⁴⁶ весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место - Аланд, где шейх Ала-ад-дин (святой лежит) и ярмарка бывает. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней - до двадцати тысяч коней - продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Ала-ад-дина, а по-нашему на Покров святой Богородицы⁽⁴⁷⁾. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью: кричит: "кук-кук"; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны⁽⁴⁸⁾ ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детеньшей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой Богородицы. А празднуют память

шейха Ала-ад-дина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар - стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет - бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фаратхана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да свирельников десять человек.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним - трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурьки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафиров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие - кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень - и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттувала(49), на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продав я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост(50), а жеребца своего

продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста(51) и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой), христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя - ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты(52), говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана(53) - то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка(54). Шел я с индусами до бухтаны месяц. И у той бухтаны ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вокруг бутханы - как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый - в образе человека, второй - человек, но с хоботом слоновым, третий - человек, а лик обезьяний, четвертый - наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

На праздник бута(55) съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени(56) для бута, а с коней - по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов(57), а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь(58) цареградский, а в левой руке у бута копьё. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не

надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом - бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты(59) не пьют. А с бесерменами(60) не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин,- ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле - то их поклоны. А есть садятся - руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в воду. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать - дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.

В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских - Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И тех быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову - матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В

воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить - дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны - хороша, 5 фун - хороша и черна; черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама(61). А когда Пасха - праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю - наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских - ни Пасхи, ни Рождества Христова - не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я Бога, пусть он сохранит меня: "Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий. Бог милосердный. Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты. Господи Боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли".

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог Господь, Бог великий). Бог царь славы (Бог- зиждитель, Бог всемилостивейший,- это все ты, о Господи).<...>

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда

Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапауре в Мазандаранской земле, третью Пасху - в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: "Господин! Ты молитву (совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я - три раза. Я - чужестранец, а ты здешний)". Он же мне говорит: "Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь". И я сильно задумался и сказал себе: "Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже- вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай. Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой (Бог-покровитель, ты, Боже, Господи милостивый. Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой".

В Бидаре Великом, в Бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.

На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи

весом по кентарю, а на шее - огромные железные гири(62). А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком - им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султана кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак(63) золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом(64) поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка - золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум(65) сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А иные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладких плодов нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Севасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь (Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Да устроится Русская земля, а

то мало в ней справедливости! Боже, Боже, Боже, Боже!).

Господи, Боже мой! На тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти - из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джеханшаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти - значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить - значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.<...>

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама (по вере Мухаммеда, посланника Божья). А когда Пасха, Воскресение Христово, - не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась - один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит - удивительное место, для всего пригодное. Та сторона непроходима - путь через город идет; ни с какой стороны город не взять: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками

стояла. И рати его погигло пять тысяч лучших воинов. А взял город вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч - и взрослых, и малых - в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек(66) за голову, а иных и по пять, а детей - по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Калдуре триста алмазников живут (оружье украшают). Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие - к Нарясу, а из Наряса - в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу - пристани моря Индийского.

Очень большой город Дабхол - съезжаются сюда и с Индийского, и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище Бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и сговорился о плате корабельной - со своей головы до Ормуза града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхолаграда на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: "Олло переводигер, Олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти", а по-русски это значит: "Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!"

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много роздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в

Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней. А из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума - в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-бека(67). В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан(68), а из Эрзинджана пошел в Трабзон(69).

В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и был в Трабзонё пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате - со своей головы золотой дать до Кафы(70), а на харч взял я золотой в долг - в Кафе отдать.

И в том Трабзонё субаши(71) и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей - все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря - Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Воны(72), и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане(73). Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. (Боже истинный. Боже покровитель!) Кроме него иного Бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. (Бог-творец!)

Милостию Божией прошел я три моря. (Остальное Бог знает, Бог

покровитель ведает.) Аминь! (Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой. Господи благой. Иисус дух божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий.)

ПРИМЕЧАНИЯ Л.А.Дмитриева

1 Афанасий Никитин был в Индии с середины 1471 до начала 1474 г.

2 Василий Папин - иных сведения об этом русском после, кроме тех, что сообщены в "Хождении", до нас не дошло.

3 Очевидно, имеется в виду поход 1469 г. (в летописях о том, что предводителем похода был Юрий Васильевич - брат Ивана III, не говорится).

4 Василий Мамырев (1430-1490) - великокняжеский дьяк. Кто является автором записи об Афанасии Никитине - неизвестно.

5 Море Дербентское - Каспийское.

6 Дарья Хвалисская - море Каспийское; "дарья" (перс.) - море.

7 Спасский собор в Твери (совр. г. Калинин).

8 Михаил Борисович - великий князь тверской в 1461-1485 гг.

9 Борис Захарьич - тверской воевода.

10 Ширваншах - титул правителей Ширвана-государства, находившегося в северо-восточной части современного Азербайджана.

11 Иван III Васильевич (1440-1505) - великий князь московский.

12 Перечисляются города Орды по нижнему течению Волги.

13 Ез - заграждение на реке для ловли рыбы.

14 Тезики - иранские купцы.

15 Тарки - крепость на побережье Каспийского моря.

16 Кайтаки - народность в Дагестане.

17 Имеются в виду выходы горящих газов и нефти в окрестностях Баку.

18 Чапакур - город на южном берегу Каспийского моря.

19 Мазандаранская земля - местность в Иране - Мазендеран.

20 Амоль - центр области Мазендеран.

21 Демавенд-высшая точка хребта Эльбрус.

22 Рей - город, находившийся в окрестностях современного Тегерана.

23 Мухаммед (ок. 570-632) - арабский религиозный и политический деятель. основатель ислама.

24 Перечисляются города, находящиеся по пути от южного берега Каспийского моря к Ормузскому проливу.

25 Батман (перс.) - мера веса, равная нескольким пудам.

26 Радуница - девятый день после Пасхи.

27 Тава - парусное судно без верхней палубы.

28 Маскат - порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

29 Дега - порт на Иранском берегу Персидского залива.

30 Гуджарат - область на западе Индии.

- 31 Камбей - порт в Камбеиском заливе.
- 32 Чаул - порт на западном побережье Индии, к югу от современного Бомбея.
- 33 Джуннар - город на восток от Бомбея.
- 34 Малик-ат-туджар - титул, означающий в переводе "повелитель купцов".
- 35 Кафиры - неверные (иноверцы).
- 36 Хоросанцы - мусульмане неиндийского происхождения.
- 37 Троицын день - 50-й день после Пасхи; приходится на май - июнь (в зависимости от дня Пасхи).
- 38 Кози гундустанские - кокосовые орехи.
- 39 Татна-сок, добываемый из коры пальмиры (пальмира-вид пальмы).
- 40 Кхичри - индийское блюдо из риса.
- 41 Шешни - листья, которыми кормят лошадей.
- 42 Мухаммеддини (тюркск.) - вера Мухаммедова, ислам.
- 43 Успенский пост - с 14 до 28 августа; Спасов день - 19 августа.
- 44 Ков (инд.) - мера длины, равная приблизительно 10 км.
- 45 Камка - шелковая ткань, расшитая золотом.
- 46 Кентарь - мера веса, более 3-х пудов.
- 47 Покров святой Богородицы- 14 октября.
- 48 Мамоны - небольшие хищные звери.
- 49 Куттувал - комендант крепости.
- 50 Филиппов пост - с 27 ноября до 7 января.
- 51 Великий пост - семинедельный пост до Пасхи, начинается в феврале начале марта.
- 52 Бут (перс.) - идол, кумир; здесь - индийские боги.

53 Бутхана - кумирня, языческая молельня.

54 Мекка - город в Саудовской Аравии, место мусульманского паломничества.

55 Здесь имеется в виду праздник в честь индийского божества Шивы, отмечаемый в феврале - марте.

56 Шекшени - серебряная монета.

57 Лакх (инд.) - сто тысяч; бесчисленное множество.

58 Афанасий Никитин сравнивает статую Шивы со статуей Юстиниана I (527-565) в Константинополе, которая была уничтожена в XVI в.

59 Сыта - разбавленный водой мед, а также хмельной напиток из меда.

60 Бесерменин - иноверец.

61 Улу байрам-один из главных ежегодных мусульманских праздников.

62 Имеются в виду большие колокольцы, которые вешают на шею слона.

63 Саадак - набор, состоящий из лука в чехле и колчана со стрелами.

64 Теремец - здесь: парадный зонт.

65 Махдум - господин.

66 Тенька - мелкая серебряная монета.

67 Здесь перечисляются города в Иране, через которые лежал обратный путь Афанасия. Тебриз был столицей державы Узуна Хасана.

68 Эрзинджан - город на Армянском нагорье, к западу от Эрзерума.

69 Трабзон - порт на южном побережье Черного моря.

70 Кафа - современный город Феодосия в Крыму.

71 Субаши - начальник охраны города.

72 Бона - порт у мыса Чам, к западу от Трабзона.

73 Платана - порт вблизи Трабзона.